

В прошлом году к 70-летию юбилею Олега Константиновича Маслова был издан сборник его избранных стихов и прозы. Книга эта, в твердом переплете с тиснением, оформленная благовещенским художником Вадимом Кондратьевым, отпечатанная издательством «Зоря» и пропоспированная, как ныне выражаются, комитетом по культуре администрации города Благовещенска, стала ярким явлением в литературной жизни области. А в этом году, совсем недавно, вышла в свет книга Олега Маслова «Мой крест», в которой все стихи, рассказы и мемуарные очерки посвящены исключительно медицине. Сам Олег Константинович не раз заявлял, что он не столько поэт, сколько «пишущий врач». Но, думается, те, кто любит его стихи, согласятся, что он скорее все-таки «врачующий поэт».

И ЛИРА, И ЧАША

В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе ни расшибал,
Меня спасала медицина,
А ямб крылатый поднимал.
Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звездный час —
И лиру звонкую поэта,
И чашу горькую врача.
Не погрешу на словословье,
Но утверждать всегда готов:
Нет краше песни, чем здоровье,
Бальзама лучше — верных слов.

Все могу осмыслить в нашем прошлом,
Но одно представить — выше сил:
Как могли когда-то без картошки
Обходиться люди на Руси?

Нынче — ладно, но в сороковые
Скольких нас скосила бы война
На бесхлебье в зимы грозовые,
Если б не кормилица — она!

Как поверить нам, вскормленным ею,
Что всего-то двести лет назад
Из Европы в качестве трофея
Нес ее суворовский солдат?

Видно, сердце у солдата ныло
О родимом доме там, вдали,
Будто знал он, что со слабым тылом
Мы б спасти Отчизну не смогли.

Мелькнула в небесном тумане
И скрылась, увы, навсегда,
Не знавшая даже названья
Летящая в бездну звезда.

Но мир не заметил потери,
И с ней не померк его свет,
А сердце щемит и не верит,
Что этой, исчезнувшей, нет,

И жаждет ее появленья,
Как будто она обрела
Какое-то в жизни значенье
И что-то с собой унесла.

Почтовый ящик, старый друг,
Свидетель всех моих мучений,
Тебе понятен мой недуг —
Так где ж оно, твое леченье?

Хоть словом, взглядом ублажи...
Но ты молчишь и смотришь хмуро —
Ведь правды горькая микстура
Целебней самой сладкой лжи.

Уснула дальняя слободка,
А голос девичий поет:
«Плыви, плыви по морю, лодка,
Плыви туда, где мил живет».

В той песне — горе и не горе,
Девичья светлая печаль...
И пусть ни лодки нет, ни моря —
Плывет напев в ночную даль.

И бередит, и греет душу,
И в охватившем полусне
Как будто сам, покинув сушу,
Плывешь, качаясь на волне.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Гроза в июле — откровенье,
Не то что майская игра,
Когда грохочет в отдаленье
Весны счастливое «Ура!»

Нет, тут совсем иное дело —
Себя под зноем распая,
Достигла высшего предела
В порыве пламенном земля.

И черной тучей солнце засты,
Решилась — черт все побори! —
Так разрядиться зрелой страстью,
Чтоб не взорваться изнутри.

Змеей метнулась вспышка света,
И вдруг — удар, за ним — другой!..
Не в отдалении, не где-то —
В упор, над самой головой.

И ты застыл, как изваянье,
Перевести не в силах дух,
И — никакого прозябанья:
Жизнь или смерть — одно из двух!

Все — от солнечного света,
Все — от летнего тепла...
Распалая землю лето,
Жизнь опять свое взяла.

Позади — кипенье яблонь,
Впереди — грядет жнивье,
Через месяц — лето бабье,
А пока оно — мое.

Отшумели ливни-грозы,
Зной вступил в свои права,
Нынче время сенокоса —
Становись-ка, трын-трава!

Пусть гудит под вечер тело,
Но отрада на душе, —
Кончив дело, можно смело
В милый рай, что в шалаше.

Брезжит зарево рассвета —
Ночь была иль не была?
А ведь это — все от лета,
Все — от летнего тепла.

ПЛЮШЕВЫЕ ЖАКЕТКИ

Нагрянет май в село, и снова,
Нет-нет да вынесут на свет
Жакетки — девичьи обновы
Послевоенных первых лет.

Они давно не по размерам
Хозяюшкам — узки, тесны,
А плюш неплох — по шифоньерам
Висят с весны и до весны.

Одежки есть и поновее,
Но тем жакетка хороша,
Что неизменно молодеет
Под нею женская душа,

И тем, что выглядела модно,
И тем, что куплена в нужду...
Да что менять — ведь так немного
У женщин праздников в году.

Когда из операционной
Выходишь в мир иных забот,
Всегда с надеждой затаенной
Тебя в приемной кто-то ждет.

И зная это, первым делом
Идешь туда, неся с собой
Весть, что всегда была уделом
Военной почты полевой.

Как оживают просветленно
Людей измученных черты,
Когда счастливым почтальоном
С улыбкой к ним подходишь ты!

И все ж случается порою —
Стоишь, не зная что сказать,
А на тебя глядит с мольбою
Его, единственного, мать.

Все можно объяснить на свете
Жене, и сыну, и отцу...
Но мать... ей проще бы со смертью
Самой сойтись — лицом к лицу.

Хорошо нам с тобою вдвоем
В тишине на прибрежном просторе,
Но прошу тебя лишь об одном —
Отпусти поскорей меня в море.

Есть тревожное слово «пора»,
За которым и горе — не горе,
Только пели бы песни ветра
Да качало открытое море.

Без него обмелеет душа
И волненья улягутся вскоре,
Ведь любовь, как весна, хороша,
Если жизнь необъятна, как море.

Я запомню тебя наизусть,
До прощальной слезинки во взоре,
Я к тебе непременно вернусь,
Только ты отпусти меня в море.

Нагрянет полосой
Период невезений,
Когда над головой —
Сплошные тени, тени
Предчувствий и утрат,
И нет ни в чем отрады,
И сам себе не рад,
И все тебе не рады.
Но пусть не повезло —
Смятенью не поддайся
И, всем чертям назло,
Живи и улыбайся,
Друзьям не отравляй
Веселое застолье,
И недругу не дай
Твоей упиться болью,
И, вопреки всему,
Не прекращай работы,
Чтоб сердцу и уму
Всегда была забота,
И верь, что разнесет
Все тучи ветер встречный...
Ведь туча — эпизод,
А небо с солнцем — вечны.

БЕРЕГА

Родился ручеек,
Растерялся слегка,
Но в земном необъятном просторе
Поддержали его
Два дружка-бережка
И направили в сторону моря.

И, глядишь, по земле,
Широка, глубока,
Под лучистым шатром небосвода
Меж крутых берегов
Катит воды река —
Устремленная к цели свобода.

А ведь мог он, родившись,
Себя потерять,
Стать болотною жижей тусклой...
Берега, берега,
Как нужна ваша стать —
Нет без вас ни движенья, ни русла.

ПРОСЬБА

Когда оставят искушенья
И в тягость станет бранный путь,
Пошли мне Бог для воскрешенья
Кого-нибудь, кого-нибудь.

И если он своим участием
Сумеет жизнь в меня вдохнуть,
Воздай ему за это счастьем
Когда-нибудь, когда-нибудь.

Помню я, как бабка Агриппина,
Ненароком заглянув в свой сад,
Парила мне спину хворостиной,
Причитая: «Ах ты, азиат!».
Впрочем, на нее я не в обиде —
Видит Бог, она была права:
Сколько я с тех пор не перевидел,
Где я только не перебивал,
Но, кружась и странствуя по свету,
Познавая новые места,
Сердцем неизменно был
По эту
Сторону Уральского хребта.
На просторах края-великана,
Как нигде, сродни душе моей
Ширь земли, дыханье океана,
Животворность солнечных лучей.
Не хочу сказать, что где-то худо,
И неправда, будто я забыл
Земли те российские, откуда
Прадед мой к Амуру уходил.
Но затем и шел он в эти сопки,
Сильный, смелый русский человек,
Чтоб его достойные потомки
Обрели здесь родину навек.
Для меня его деянья святы,
Я живу, завет его храня,
И не зря когда-то азиатом
Окрестила бабушка меня.

ДАЛЯНЬ

И вновь меня пути скитаний
По зову сердца привели
К заветной пристани желаний —
На берег моря, край земли.

Так свеж и ласков встречный ветер,
Так мирно плещется волна,
И ни представить, ни приметить,
Что даже здесь была война.

А ведь была, и не однажды,
И не чужая, а своя,
И там, в России, знает каждый
Про эти дальние края.

Поныне в памяти и песне —
Цусима, Порт-Артур, «Варяг»,
А через сорок лет — возмездье
За погранный российский стяг.

Дрались отцы, сражались деды,
Не счесть вокруг родных могил...
Но где он днес, венец Победы?
Кто побежден? Кто победил?

Прошла гроза над Ляодунем,
Рассеян дым, развеян мрак,
И над Далянем и Льюшунем —

Китайский пятизвездный флаг.
И хорошо под мирным солнцем,
Не помня зла, встречаться здесь
И россиянам, и японцам,
Когда хозяин истый есть,

Который встретит и приветит,
И даже вырастит цветы,
Чтобы врагов вчерашних дети,
Сейчас живущие на свете,
Могли их павшим принести.

...Лучистый шар над головою,
А море — глаз не оторвешь —
Лежит такое голубое,
Что Желтым и не назовешь.

1992

НА РЕКЕ

Не искушай меня, река,
Тебе отдаться на поруки —
Есть у меня весло и руки,
И сил не занимать пока.

Твой путь теряется в морях,
Где воды с вечностью роднятся,
А мне так хочется остаться
В родных зеленых берегах.

Ты — жизнь моя, и с первых дней
С твоим течением борюсь я,
И чем быстрее относит к устью, —
К истокам тянет все сильней.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Что-то сердце пошаливать стало —
От забот, сигарет ли, винца...
А быть может, то просто начало
Обращенного в вечность конца?
Не страшусь я ни жизни, ни смерти,
Я уже ничего не боюсь,
Но пускай поберут меня черти,
Если я своего не добьюсь.
Да и нужно-то сущую малость —
Чтоб в исход своего декабря
Убедиться, что жизнь состоялась,
И по главному счету — не зря.
Пригодится ли нажитый опыт
Всех салютов и слетов, и встреч?
Не собьется ли рапорт на ропот,
Коль зайдет о содеянном речь?
Ведь не сдашь же любимому чаду
Век, как тот с недоделками дом,
Что спихнуть нам строители рады,
Обещая доделать потом.
Только в грудь себя бить не пристало,
Да и сил не исчерпан запас.
Не затем привыкали к авралам,
Чтобы этот, последний, не спас!
Ну а сердце — и в боли со мною,
Хоть его никогда не щадил; —
Пусть шалит, да напомним порою,
Что и сам я немало шалил.
Вместе с ним, не пеняя на лета,
В марафоне житейском своем
Добежим и до финишной ленты
И, упав на нее, — разорвем.

1983

* * *

Не обуздать страстей природу —
Распад азартен, как разврат...
Народы рвутся на свободу,
А люди вместе жить хотят.

И, презирая боль и слезы,
Впадая в алчный нетерпез,
Страну живую без наркоза
Кромсает пограничный нож.

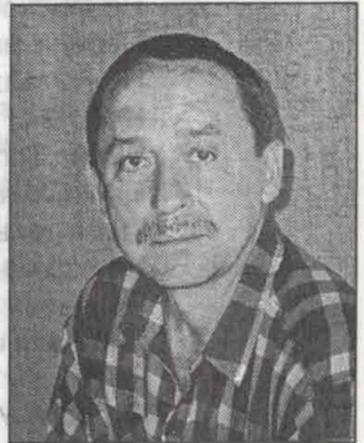
Корить народы непристойно
За самостийный выбор их —
Они и впрямь, увы, достойны
Строптивых лидеров своих.

И, разрывая братства узы,
Свободу славил бы и я,
Когда б в развалинах Союза —
Не жизнь, не Родина моя.

1992

Леонид Симачев

Леонид Симачев родился в 1950 году в городе Сковородино. Окончил мореходное училище в Находке, работал начальником радиостанции на китобойном судне. В декабре 1975 года вернулся с морей в Сковородино, где живет и сейчас. Работает на радиорелейной станции. В 1991 году был принят в Союз писателей СССР. Печатался во многих областных, региональных и центральных газетах, альманахах, журналах. В советское еще время вышли три книжки рассказов — «Срочная радиограмма» (Хабаровск, 1984), «Ленинградский коверкот» (Москва, «Молодая гвардия», 1986) и «В перерыве между таймами» (Хабаровск, 1989). И вот в нынешнем году увидела свет его новая книга — «До коммунизма и после» (Благовещенск, Издательская компания «РИО» — Издательство «Зоя») — за что амурские литераторы, его друзья, выражают искреннюю признательность спонсору — Сковородинской районной администрации.

Рассказ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ЯГОДЫ

Она сидела на закорках у сына, полуобхватив его за шею, и боялась, что скрюченные кисти некогда крепких рук, которыми она вцепилась в лямки рюкзака, перевешенного сыном на грудь и в котором глухо, как селезенка у лошади, екала при каждом шаге пара капроновых ведер, вставленных одно в другое, внезапно разожмутся, и ей хотелось от бессилия заплакать. Из-за капюшона штормовки, надвинутого до самого подбородка, чтобы ветви не исхлестали ее исхудавшего лица, она не видела, что сын уже перебрался через сыротравянистую, густо заросшую ольховником широкую пойму ключа Россыпного и медленно поднимался по донельзя выгоревшему увалу, подыскивая среди головешной черноты зеленое пятнышко для привала.

Наконец он остановился у груды валунов, не так зачумленных сажей, выбрал мшисто-лишаистую выемку среди них и, бережно сползая по прохладной шероховатости камня, усадил в нее мать, мягко высвободил из ее онемевших пальцев лямки рюкзака и с наслаждением разогнулся в полный рост.

Когда она, с усилием подняв задеревеневшие руки, скинула с лица капюшон, то невольно ойкнула от иссиня-сизой худобы горельника, длинно тянувшегося перед ней под паутинно-росистыми лучами осеннего солнца, только-только начавшего свой дневной путь. Сын же, освободившись от рюкзака, упал на руки промеж валунов и по-звериному приник губами к небольшой ямке с едва пульсирующей со дна ледяной водой. Он сосал долго и бесшумно собственное отражение, а потом осторожно, чтобы не намутить, отклеился с легким чмоком и, не вытирая губ, встал на колени, достал из рюкзака кружку, зачерпнул и, круто развернувшись, протянул ей воду.

— Когда горело-то? — сипло, не то от воды, не то от долгого молчания, спросила она.

— Весной.

Этой весной и она окончательно свалилась. Все ждала тепла, думала — полегчает. С этой мыслью и какой-то тайно надеждой прикупила цыплят, полагая, что забота о чужой жизни пересилит слабость и недомогание, поможет перебороть собственные болячки. Но с наступлением тепла ста-

ло еще хуже: пропал аппетит; гжуче-желчная рвота по ночам, и странная легкость в слабеющем теле после этого, когда кажется, что сможешь вот сейчас что-то сделать, но сил хватает только на несколько шагов, чтобы вынести тазик, попить воды и умыться.

Июль она кое-как перековыляла — эти знойные, солнцем и гарью одурманенные дни и душные липкие ночи. С августовской прохладой наступило небольшое послабление, она задвигалась по хозяйству и поняла — осень еще протянет. А Господь приберет ее в январе. Эти два месяца в году, когда Земля начинала поворачиваться ближе к Солнцу то одной макушкой, то другой, она почему-то не любила еще с лагерных времен. Очевидно, из-за зыбкости пограничного состояния, и вообще — из-за какой-то явной ненадежности всей жизни, которая так и прошла: то в ожидании самого худшего, что только может выпасть на долю человеческую, то в ожидании явно несбыточного сказочного завтра, когда понимаешь, что этого «завтра» не будет никогда, потому что никогда не будет.

Вот и в тот январь, полвека назад, они лесоповалили по склону этого хребта, пурхаясь по пояс в сыпучем, закристаллизовавшемся от лютой стужи снегу. Чем круче склон хребта, тем легче было трелевать поваленные лесины вниз, к ключу, по берегам которого их и штабелевали. А вывозили ближе к весне: по наледям, по все более и более расширяющемуся руслу ключа, в долину, к «железке», где у наспех срубленной из тех же бревен эстакады попыхивал в ожидании погрузки старенький «компаш», приземистый и чумазый, с длиннющей кроваво-красной трубой, впряженный в пару-тройку разбитых вдрызг полувагонов; но вывозкой занимались уже другие бригады — из расконвоированных и местных жителей, с «лестрансхозовскими» лошадьми.

— И как тебя звать-величать, молодка? — глядя, как она неумело тюкает топором по только что сваленной лиственнице, подошла к ней худящая, но все равно красивая еврейка.

— Мария...

— А меня Магдалина Давидовна. Дай-ка топор! По такому морозу сучья не рубят, а сбивают обухом. И бьют не про-